
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

РЕДФИЛД Р. ИСКУССТВО СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ (Перевод с англ.)¹
REDFIELD R. The art of social science // American journal of sociology. – 1948. – Vol. 54, N 3. – P. 181–190.

Ключевые слова: социальная наука; формальный метод; искусство; гуманистическое образование.

Для цитирования: Редфилд Р. Искусство социальной науки / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 156–174.

Перевод поступил: 01.07.2023.

Принят к публикации: 14.07.2023.

Keywords: social science; formal method; art; humanistic education.

For citation: Redfield R. The art of social science. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 156–174.

Received: 01.07.2023.

Accepted: 14.07.2023.

Лет десять назад я был членом комиссии социальных ученых по социально-научному методу, которой было поручено оценить

¹ Лекция, прочитанная в Чикагском университете в мае 1948 г.

выдающиеся публикации в области социально-научных исследований. Нашей задачей было найти какие-нибудь хорошие публикации в области социально-научных исследований и выяснить, в чем состоят их методологические достоинства. Первую часть нашей задачи мы передали сообществам самих социальных ученых. Мы попросили экономистов назвать какую-нибудь выдающуюся работу в их области, социологов – подобрать работу по социологии и т.д. Мы ограничили выбор публикациями здравствующих социальных ученых. Из книг или монографий, получивших наибольшее число выдвижений, три далее были подвергнуты анализу и обсуждению. Я участвовал в изучении методологических достоинств «Польского крестьянина» Томаса и Знанецкого и «Великих равнин» Уэбба. Это были книги, номинированные как поистине выдающиеся соответственно социологами и историками.

Произошло нечто любопытное. Герберт Блумер, анализировавший для комиссии «Польского крестьянина», пришел к заключению, что метод в этой книге на самом деле неудачен, поскольку общие положения, выдвинутые в работе, невозможно установить в опоре на приведенные конкретные факты. Комиссии пришлось согласиться. И все-таки у нее осталось впечатление, что это очень выдающаяся и важная работа. Уэббовской истории культурной трансформации американского Запада в руках молодого историка, который ее анализировал, повезло не больше. Он отметил множество явных неудач автора «Великих равнин» в использовании и полноте истолкования ряда свидетельств. И снова у большинства членов комиссии осталось впечатление, что книга Уэбба поистине вдохновляющая, оригинальная и достойна похвал.

Разумеется, никто не делает из этого опыта вывод, что неспособность фактов целиком или частично подтвердить гипотезы – добродетель в социальной науке и что ее надобно рекомендовать. Несомненно, эти книги ценились бы еще выше, если бы этих недостатков в них не оказалось. Но не наводит ли этот опыт на мысль, что в социальной науке есть нечто такое, что является благом – возможно, даже существенным, – независимо от успеха в формальном методе, что эти работы содержат достоинства, не зависящие всецело от успешности, продемонстрированной в выполнении оговоренных и формализованных операций с ограниченными ми и точно установленными данными?

Мне вспоминается комментарий, сделанный выдающимся социальным ученым (назову его А) в отношении другого выдающегося социального ученого (назову его Б). А сказал о Б: «Он очень успешен, вопреки своему методу». Так вот, А придавал особое значение преданности исследователя точным методам работы с ограниченными данными, а Б был этим озабочен гораздо меньше. Тем не менее А восхищался Б, и успех, который он за ним признавал, был вовсе не житейским успехом, а успехом в развитии нашего понимания и контроля над человеком в обществе. Наверное, А чувствовал, что успех Б создает проблему для его взглядов на важность формального метода. Но при этом А, человек добрый и талантливый, признавал в Б как крупном исследователе человека в обществе некоторую доблесть, и эта доблесть – не методологическая безупречность.

Но что же тогда это такое? Пытаясь ответить здесь на этот вопрос, я не предлагаю разведения двух способов работы в научном изучении общества. И не отрицаю, что социальная наука зависит от формального метода. Скорее я пытаюсь направить внимание на некую сторону плодотворной работы в социальной науке, которая требуется, вдобавок к формальному методу, для того чтобы социальная наука была максимально продуктивной.

Давайте попытаемся здесь кое-что выяснить относительно природы этой неформальной стороны социальной науки, рассмотрим три книги об обществе, давно признанные важными, влиятельными и весьма достойными: «Демократию в Америке» де Токвиля, «Народные обычаи» Самнера и «Теорию праздного класса» Веблена. От почти полувека до века эти книги интересовали многих социальных ученых и влияли на них. Веблен и Самнер были экономистами, но книги, написанные ими, важны для социологов, антропологов, историков и прочих социальных ученых. Книга Токвиля – труд, интересный как историкам Америки, так и политическим ученым, но в равной мере это и работа по социологии, поскольку Токвиль стремился не столько дать отчет о происходившем в Соединенных Штатах в 1830 г., сколько определить своего рода естественный общественный тип – демократическое общество, – включив в этот тип не просто его политические институты, но также его моральные, семейные и «культурные» институты и установки, трактуемые как единое целое.

Ни одна из этих книг не сообщает сколько-нибудь подробно о методе исследования, не учит специальным процедурам работы с определенными видами данных. Ни в одной из них нет ничего о счете родства, о выборке, о структурированных интервью или о пределах погрешности. Нигде в них не отыскать ни одной процедуры, ни одного вида работы с фактами для получения выводов, которые не могли бы прийти в голову любому умному и образованному человеку. Самнер делал заметки об обычаях экзотических народов, читая о них. Методы Веблена, представленные в «Теории праздного класса», формальны не более, чем у Самнера. Фактуальное содержание книги Токвиля – хроника его собственных наблюдений, которые он делал, путешествуя по Америке, глядя на то, что происходит вокруг, и разговаривая со встреченными людьми. Если в этих книгах и есть достоинства, то точно не в силу каких-то изобретений или ухищрений в области метода, ибо ничего такого в них нет. И вместе с тем это книги, многие годы глубоко влиявшие на развитие социальной науки и внесшие вклад в наше понимание человека в обществе. Они могли бы быть даже еще более важными, если бы также внесли вклад в формальный метод или посредством формального метода, но коль скоро это не так, мы можем узнать из них кое-что о той части изучения общества, которая не является формальным методом.

Возможно, это не исследовательские труды. Возможно, для кого-то «исследование» всегда означает специальные процедуры работы, которым нужно учиться, или анализ какого-то небольшого набора фактов или очень ограниченной проблемы. Если вы понимаете исследование так, то я не буду с этим спорить. Тогда эти три книги – просто не исследовательские работы. Но что такое в них есть, чем восхищаются и что является ценным для изучения человека в обществе, не будучи зависимым от формального метода?

Если эти три классические книги – не книги по социальной науке, то что это тогда? Это определенно не романы, не журналистика и совершенно точно не беллетристика. То, что в них есть качества литературного стиля, верно, и не надо это осуждать; даже книга Самнера впечатляет эффективной итерацией коротких ярких предложений. Однако ценность этих книг для исследователя общества кроется не в том, что они взывают к эстетическим чувствам, а в том свете, который они проливают на природу человека и

на природу общества. Правда, великие романы тоже это делают. Но имеются, конечно, важные различия между названными книгами, с одной стороны, и, скажем, «Войной и миром» или «В поисках утраченного времени» – с другой. Последние для социальных ученых являются произведениями, о которых они могут знать и из которых могут чему-нибудь научиться, но это не труды по социальной науке. Ведь ни книга Пруста, ни книга Толстого не являются генерализованным описанием природы общества, сделанным на некотором отдалении от личного опыта писателя. Де Токвиль вел личные наблюдения, но результаты излагал объективно, в обобщенных и аналитических терминах, облегчающих их сравнение с другими наблюдениями и выводами. Толстой писал о реальной России во время реальных наполеоновских войн, но его Пьеры и Наташи – вымышленные, индивидуальные, личные, интимные и необобщенные. Нетрудно отличить великие анализы общества, сделанные объективно и представленные в обобщенных выводах, от личных произведений и плодов свободного творческого воображения.

Являются ли эти три книги «объективными» описаниями общества? В разных степенях, но в какой-то мере каждая. Вероятно, де Токвиль, в наименьшей степени среди трех бывший профессиональным социальным ученым, больше всего поражает духом суровой отстраненности, готовностью смотреть на это социальное существо – демократическое общество – без порицания или восхваления. Труд де Токвиля представляется настолько объективным, насколько может желать быть объективным социальный ученый. Самнер тоже описывает, а не оценивает, хотя в «Народных обычаях» чувствуется подспудный оттенок спокойного презрения к иррациональности человека, к покорности человека перед любой глупостью, которую может провозгласить его традиция. Веблен выглядит наименее объективным. Под формами его научного анализа кроется учтиво и иронично припрятанное осуждение моралиста. Как сформулировал недавно один автор, писавший о Веблене, он использовал «реалистическую атрибутику учености» для атаки на мораль капиталистического общества¹. Тем не менее даже книга

¹ Aaron D. Thorstein Veblen : moralist and rhetorician // Antioch review. – 1947. – Vol. 7, N 3. – P. 390.

Веблена являет нам свежее описание части современного общества, и это описание сделано не творчески воодушевленным художником, а человеком, который реагирует на изученные факты и факты, поддающиеся проверке.

Эти три книги – не романы, они мало что говорят о формальных процедурах исследования, и тем не менее они проливают свет на человека в обществе, более или менее объективно представляя обобщенные выводы из изучения отдельных обществ. С этих сторон они соответствуют тому, что, по крайней мере некоторые люди, называют «научным». Что такого сделали их авторы, что образует их вклад в понимание человека в обществе?

Разумеется, нельзя сказать, что эти авторы оказались правы во всем. На самом деле в каждом случае есть моменты, в которых они, как впоследствии выяснилось, оказались неправы. Описание Веблена слишком акцентирует конкурентность в рамках потребления и принимает много расхожих мнений в отношении человеческого рода и стадий социальной эволюции, которые теперь неприемлемы. Концепция нравов Самнера, каким бы стимулирующим ни было в прошлом ее влияние, преувеличивает беспомощность людей перед традицией и особенно неадекватна как понятие для понимания современных обществ, что недавно показал Мюрдаль. И хотя оставленное де Токвилем описание раннего американского общества проницательно на грани чуда, в нем определенно содержится путаница необходимых черт демократии с особенностями фронта, того, что должно быть характерно для любой демократии, с тем, что исторически сложилось в англо-американской традиции.

Эти книги, ничему не учащие нас в плане формального метода, в трех отношениях вносят огромный вклад в понимание человека в обществе.

Прежде всего, каждая является выражением некоторого восприятия человеческой природы. В каждом случае автор взглянул на людей в обществе или во многих обществах и напрямую уловил в их способах мышления и чувствования что-то такое, что характерно для человеческого рода при этих особых обстоятельствах. Его основной интерес был прикован не к какому-то второ- или третьеразрядному индексу или признаку человеческой природы, не к каким-то контрольным отметкам на шкале или измеримым

количествам чего-то. Он смотрел на людей с видением собственной человечности.

Не все из того, что зовут социальной наукой, относится к человеческой природе. Исследования населения не интересуются ею, пока не заходит речь о вопросах демографической политики. Маржинальный анализ в экономике занимается столь тонким срезом человеческой природы, столь искусственно отрезанным от всего остального, что тоже нерепрезентативен для исследований человеческой природы. Это же с необходимостью касается и археологии североамериканских индейцев в значительной ее части.

Названные виды исследования, какими бы достойными они ни были, репрезентируют особые или пограничные случаи, помечающие периферию изучения человека в обществе. Сущностная природа человека в обществе – это его человеческая природа и то, как она выражена в отдельных институтах. Для выяснения природы и значимости человеческой природы незаменима человеческая природа самого исследователя. Он должен использовать свою человечность для понимания человечества. Чтобы понять чужие институты, он должен пытаться найти в них соответствия и отличия, которые они проявляют по отношению к тем институтам, с которыми он знаком ближе. Для понимания чужой культуры не нужно сперва учиться проведению интервью или изготовлению анкет для подомового опроса, как бы ни были важны эти умения. Первым делом нужно освоить в опыте какую-нибудь культуру – культуру, которая будет служить пробным камнем в понимании этой новой культуры.

Одна из граней великого достоинства трех упомянутых работ состоит в том особом внимании, которое у Самнера, Веблена и Токвиля направлено на человечность их предмета, и в том успехе, которого достиг каждый из них в понимании отдельной стороны этой человечности, как ее сформировали и обусловили окружающие обстоятельства. Самнер, смотря в особенности на небольшие длительно обособленные общества или на более поздние мало меняющиеся общества, возникшие из первобытных условий, нашел в итоге создание в каждом родившемся и воспитанном индивиде мотивов и планов жизни, заключенных в обычаях общества, явленного ему в опыте. Он узрел в человеческой природе необычайную пластичность и приоритет обычая над привычкой. Веблен

взглянул свежим взглядом на поведение потребителей, увидел их как людей, действительно покупающих и потребляющих в своих семьях и своих сообществах, и заметил недостаточно до тех пор осознанные грани человеческой природы в обществе. Де Токвиль застал американцев в эпоху их самоуверенности и увидел во множестве подлинных наблюдений, что означает для них их поведение и почему. Просто сравните его успех в том, как он с воображением, но и с отстраненностью воспользовался своей человечностью, с тем фиаско, которое потерпела в понимании тех же самых людей миссис Троллоп.

Именно в этой точке методы социальных наук – здесь мы говорим о «методе» в самом широком смысле, включая сюда все способы мышления и даже чувствования в отношении изучаемого предмета, – приближаются к методам творчески настроенного художника. Как и романист, научный исследователь общества должен проецировать симпатическое понимание, коим он располагает в отношении людей, вкупе с мотивами, желаниями и моральными оценками, в предмет, который он истолковывает. Без этого дара, без этого средства понимания не могут обойтись ни тот, ни другой. Но если романист может отпустить воображение в свободное плавание, как только личный опыт и чтение дадут ему толчок, то научный исследователь должен постоянно возвращаться к конкретным людям, к конкретным обществам, отобранным для исследования, сверять с ними свои догадки и сообщать эти конкретные факты с такой точностью, чтобы тот, кто придет следом, мог повторить эту проверку. Несмотря на это существенное различие, территории гуманитарного знания и научного изучения человека в обществе частично совпадают. Предметом того и другого является прежде всего человек как человеческое существо. Человеческие существа не являются предметом физики и химии. Поэтому было бы ошибкой строить социальную науку по образу и подобию физики или химии. Социальная наука – не то же самое, что гуманитарное знание, и не то же самое, что физические науки. Это способ познания человека в обществе, использующий точные процедуры и объективность, характерные для физики, насколько они помогают в изучении человеческих существ, но не более того, и в то же время с необходимостью использующий то личное прямое пони-

мание человеческих качеств поведения и институтов, которое присуще и романисту.

Теперь можно привести второе замечание о трех отобранных книгах. В каждой из них выдвигаются значимые обобщения. В случае книги Веблена общие концепции, известные по выражениям «денежное соперничество», «демонстративное потребление» и т.д., так же как и понятия из «Народных обычаев», именуют прозрения, раскрывающие постоянные и повсеместно проявляющие себя стороны природы человека в обществе. Читая эти книги, мы улавливаем проблески вечного в свете эфемерного. Мы видим себя примерами заложенных в природе паттернов. Социальную науку заботят единообразия. Эти единообразия выводятся во весь рост; они превосходят партикулярность реального опыта и исторического события; они претендуют на большее, чем позволил бы каждый факт, взятый сам по себе. Они говорят: «Если бы всё и в самом деле было так, то это был бы паттерн». Де Токвиль тоже предлагает такие паттерны, выходящие за рамки отдельных фактов. Случай де Токвиля в этом отношении даже особенно ясен; ибо он настолько стремится представить систему связанных обобщений касательно необходимой природы демократического общества, что во многих пассажах вообще не ссылается на то, что видел в Соединенных Штатах, а выводит обобщение по поводу демократического общества, как он его мыслит, из какого-то другого, уже выдвинутого ранее. Следовательно, ему нельзя отказать во вкладе в научное понимание общества, ведь эти дедукции связаны с обобщениями, покоящимися в свою очередь на многочисленных конкретных наблюдениях множества конкретных людей и событий. Понятие, как и роман, – продукт творческого воображения, но это продукт, более тесно и публично связанный с конкретными фактами наблюдения и документации.

Как и понимание по-человечески значимого, получение обобщений – работа воображения. Самнер выяснил, что есть такая вещь, как нравы, не за счет освоения и применения какого-то метода исследования. Он открыл это, глядя на окружающих и используя наблюдения, сделанные другими, а затем мысленно перепрыгнув через многочисленные различия к пониманию той степени единообразия, которая заслуживает термина «нравы». В достижении значимого обобщения о человеке в обществе мы видим осуществ-

ление дара понимания – дара настолько личного и неуловимо творческого, что нельзя ожидать его проявления просто от применения какого-то формального метода исследования.

Три книги показывают нам мыслителей, которые, изучая человека в обществе, достигли какого-то нового обобщенного понимания человеческой природы или человеческих институтов. Им удалось передать это понимание так, что мы видим его важность и истинность. В том смысле, что доступны факты, его подтверждающие. Это, разумеется, не вся истина и, возможно, появится какое-то другое понимание, которое окажется «более истинным», т.е. еще более проясняющим в отношении некоторого набора обстоятельств.

Есть еще одно качество в мышлении и творчестве трех авторов, само по себе достойное признания; это свежесть и независимость точки зрения, с которой каждый смотрел на свой предмет. Читая любую из трех книг, чувствуешь, насколько автор видел то, что он видел, своими глазами, как если бы прежние взгляды на это были под подозрением, просто потому что они были прежними. В случае каждого автора возникает недовольство тем, как в то время рассматривался соответствующий аспект человека в обществе, здравая готовность принять другой взгляд на вещи. Присутствует готовность сделать рассматриваемую вещь подлинной частью собственного бытия наблюдателя, выйти за рамки подчинения уже существующим трудам на эту тему. Де Токвиль был недоволен взглядами на демократию, бывшими в ходу в его время: страстными осуждениями и столь же страстными одобрениями. Он поехал в страну, где этот ангел или чудовище действительно пребывали в развитии, и невозмутимо решил не искать там ни чудовища, ни ангела; он смотрел на то, что находил, и схватывал его в целостном и естественном состоянии, как если бы смотрел на впервые найденный вид животного. Уже потом он мог взвесить хорошее и плохое, придя к пониманию естественных обстоятельств, породивших это создание. Книга Самнера, с одной стороны, подтверждает точку зрения, бывшую в его время в ходу, с другой – является реакцией против нее. Коль скоро народные обычаи возникают не в силу человеческого планирования, а через случайные взаимодействия людей и состязание альтернативных решений, то они согласуются с той концепцией неограниченной индивидуалистиче-

ской конкуренции, которую Самнер поддерживал в экономической сфере. Но в то же время «Народные обычаи» читаются как реакция против Эпохи Разума. Книга словно говорит, что люди, в конце концов, не решают свои проблемы путем рациональных подсчетов полезностей. Увиденные по-новому, обычаи людей предстают не разумными, а неразумными и определяются уже имеющимися обычаями и моральными суждениями, в свете которых подсчеты полезностей выглядят абсурдом. С этой точки зрения данная книга есть бунтарский акт. Экономист ищет себя на целостной человеческой сцене и говорит – несомненно, подчеркнуто – то, что нужно сказать для исправления предыдущего видения. Нечто не столь уж отличающееся можно сказать и о свежем взгляде, принятом Вебленом.

Могут возразить, что качеств, находимых в этих трех книгах, можно ожидать лишь от случайной книги, написанной каким-нибудь необычным умом. Эти книги вышли за пределы социальной науки либо вообще далеки от нее; и скромный виноградарь не может ожидать от них прояснения чего-то такого, что помогло бы ему в уходе за лозами его более ограниченных гипотез или в выдвигании вина его более ограниченных выводов.

Между тем все три качества, обнаруживающиеся в этих работах, могут быть переняты исследователем любого аспекта жизни человека в обществе. Не только в значительных трудах обнаруживается та человеческая симпатия, которая необходима для постижения человеческой реальности. Применение этой способности нужно в каждом исследовании сообщества; оно нужно при каждом рассмотрении института, в котором люди с мотивами и желаниями, подобными нашим, выполняют составляющие его роли и службы; оно нужно в каждом интервью. Человека можно научить выстраивать ход расспросов, наносить на карту сообщество или разносить по таблицам и статистически трактовать голоса, поданные на выборах; но знание того, как делаются эти вещи, – еще не гарантия значимых выводов. Помимо этих умений, нужна еще способность вникать с воображением, дерзко и в то же время самокритично, в тот маленький кусочек человеческой комедии, с которым приходится научно иметь дело. Нужно стать частью изучаемых человеческих связей, держась в то же время чуть в стороне, чтобы подвесить суждение о ценности своих первых прозре-

ний. Затем исследователь смотрит на сцену снова, возможно, руководствуясь чем-то, что ему уже известно или было прочитано о людях в какой-то сопоставимой ситуации, в другом месте или в другую эпоху, и тогда он может обрести второе прозрение, лучше выдерживающее повторное рассмотрение и проверку конкретными наблюдениями. Эта процедура – называйте ее методом, не методом или как угодно – является существенной частью почти всей социальной науки, великой и малой.

Что касается применения способности видеть общее в частном, то разве она не требуется так же от любого, кто принимает научную установку в отношении чего-то в человеческой природе или обществе? Ограниченность представляющих нам фактов во времени и пространстве не освобождает нас от обязательства искать то, что может обладать широкой истинностью. Самнер, разумеется, не ждал понимания нравов, пока не собрал пять сотен страниц примеров. Малиновский дал более ясное понимание природы мифа – в его сходстве с народным преданием и отличии от него, – исходя из того видения, которое сложилось у него в отношении рассказанных историй и того, как они рассказывались, в небольшом сообществе Южных морей. Уэбб – скорее историк, чем один из тех исследователей общества, что так падки на обобщения, воспринимаемые как широко применимые, – в своих «Великих равнинах» вообще не изрекает никаких обобщений; но ценность этой работы для многих состоит в том, что она легко прочитывается как иллюстрация тенденции институтов, приспособленных к одной среде, к изменению при переносе в новую среду, а также последствий изменений в технологии для человеческих отношений. Социальный ученый всегда призван использовать свое воображение в отношении того общего, которое может быть заключено в непосредственных частностях. Формальный метод тоже может вести его к этим обобщениям; накопив множество случаев или проведя тесты, он может впервые увидеть какие-то соответствия, побуждающие к обобщению. Но не менее часто случается так, что он видит обобщение задолго до применения формальных методов; а уже потом применение формального метода может проверить ценность его догадки. Значимое обобщение может появиться без формального метода. Концепции предельной полезности в экономике и маргинального человека в социологии, возможно, иллюстрируют

развитие понятия в одном случае в тесной зависимости от формального метода, а в другом – без такой зависимости. В последнем случае Парк был поражен сходствами в поведении конкретных мужчин и женщин, с которыми он сталкивался: американских негров, азиатов, воспитанных в миссиях, и иммигрантов второго поколения. Человеческое озарение, направляемое научным воображением, создало затем понятие.

Третье качество хорошей социальной науки в ее менее формальных аспектах – свежесть взгляда. Это такое видение того, что изучается, как если бы все мировое понимание его зависело исключительно от собственного взгляда исследователя. Принимая такой взгляд, исследователь не игнорирует воззрения на этот предмет или на какой-то схожий, принятые другими. Но он бросает вызов этим прежним воззрениям. Возможно, говорит он, это не то, что, как мои учителя говорили мне, я должен найти. Я буду смотреть сам. Возможно, кто-то что-то слышал о народном обществе. Но в этом конкретном обществе, которое меня интересует, я буду смотреть сам. Может, никакого народного общества здесь нет. Возможно, есть что-то другое, гораздо более близкое к истине.

Учителям, развившим собственные взгляды на некий аспект человека в обществе, трудно учить своих последователей принятию какого-то иного взгляда на него. Возможно, этому вообще нельзя научить. И все же каждое поколение социальных ученых должно как-то возвращать следующее поколение мятежников. При этом мятеж плохо встраивается в преподавание формальной процедуры. Более того, исключительный акцент на формальной процедуре может привести к атрофии научного воображения. Тренировка человека в технике может обернуться тем, что его вполне устроит владение техникой. Узнав много всего о процедуре полевой работы, о статистике, о разных ситуациях, в которых проводят и записывают интервью, о критике документов, новоиспеченный социальный ученый может почувствовать, что узнал до конца все, что ему нужно. Он может успокоиться в довольстве своей компетентностью. Компетентность – это здорово, но она должна сочетаться с творческой неудовлетворенностью. В маленьких исследованиях, как и в крупных, изучаемая ситуация требует взгляда целостного и свободного.

Столь же сомнительна возможность научить применению человеческой прозорливости или узнаванию общего в частном, когда эта общность не навязывает себя исследователю явным статистическим преобладанием. Эти качества социально-научного исследователя зависят, по всей видимости, от случайной природной одаренности. Человеческая прозорливость – это дар. Понятие – произведение творческого воображения; понятливость – это дар. Когда, говоря о хорошей социальной науке, подчеркивают необходимость того, чтобы исследователь мыслил и рассуждал независимо и свободно, когда подчеркивают, что хорошая социальная наука опирается на личные и человеческие качества исследователя, речь идет как будто бы не о науке, а об искусстве, словно говорят, что социальная наука – это тоже искусство. Это искусство, поскольку социальный ученый изобретательно творит, исходя из собственных человеческих качеств, приведенных в связь с предстающими ему фактами. Это в куда большей степени искусство, чем физика или химия, ведь от исследователя атома или химического элемента при столкновении со своим предметом не требуется становиться персоной среди персон, творением традиции и установки в сообществе, существующем в традиции и установке. Одной половиной своего существа социальный ученый подходит к своему предмету с отстраненностью, которую разделяет с физиком, другой половиной – с человеческой симпатией, которую разделяет с романистом. И это в большей мере искусство, чем физика или химия, еще и потому, что связи между частями персоны или общества, по сравнению с физическими связями, гораздо меньше поддаются определениям: в них куда меньше ясности и машинной точности. Несмотря на огромный прогресс социальной науки в формальном методе, понимание устойчивых и общих связей во многом зависит от быстрого схватывания, а оно интуитивное и не зависит, или не полностью зависит, от какого-либо формального метода. Развивая социальную науку, мы изобретаем и практикуем техники и – в то же время – культивируем гуманистическое искусство.

Природа социальной науки двояка. В кругу знания ее место примыкает к естественным наукам, с одной стороны, и к гуманитарным знаниям – с другой. То, что политологов и антропологов можно найти как в Совете по социально-научным исследованиям,

так и в Американском совете научных обществ, – не результат чрезмерных политических амбиций; это признание двойственности социальной науки. С одной стороны, исследователь общества призван постигать значимые общие характеристики человеческих существ с примерно такой же человеческой проникательностью, какую практикуют романист или драматург. С другой стороны, он обязан делать свои наблюдения и умозаключения такими же точными и проверяемыми, а свои обобщения – такими же эксплицитными и связными, как это имеет место в образцовых естественных науках и насколько это позволяют сделать его отличающиеся материалы.

Именно образцу естественных наук социальные ученые в целом стремились подражать. В короткой истории социальной науки ее практики устремляли восхищенный взор на соседей с научной стороны. Они смотрели туда, возможно, потому, что естественные науки преуспевали. Они смотрели в ту сторону, разумеется, потому, что, когда исследователи человеческой природы в обществе стали сознавать себя представителями одной или более дисциплин с профессорами и должностями в университетах и национальных советах, социальная наука была не очень научной: она была спекулятивна и неточна. Для достижения идентичности нужно было дистанцироваться от создания самолично придуманных систем абстрактной мысли. Требовалось научиться строить камень за камнем и разрабатывать процедуры, которые бы сделали это строительство публичным и подчиненным проверке.

Но сегодня изобретение и преподавание особых процедур получили в занятии социальной наукой и подготовке социальных ученых слишком уж исключительный акцент. Местами изобретение и преподавание специальных процедур ушли далеко вперед, оставив позади возможность нахождения с их помощью чего-то по-настоящему значимого. Быть точными определенно желательно, но столь же нужно быть точными в отношении чего-то такого, что стоит знать. Учить мужчин и женщин, собирающихся стать социальными учеными, применению инструментов наблюдения и анализа, разработанных в их дисциплине, – хорошее дело. Но нет ничего хорошего в пренебрежении другой, столь же важной стороной социальной науки.

Слишком тесно идентифицировать социальную науку с физическими науками – значит, принять определенный взгляд на образование социальных ученых: мыслить это образование главным образом в терминах формального метода и формального знания общества, уже достигнутого и подлежащего передаче. Тогда программы подготовки социальных ученых будут состоять из обучения техникам и возможности поучаствовать в каком-нибудь исследовании, в котором процедуры уже определены, а проблемы заданы каким-нибудь признанным наставником. Тогда обладатель стипендии будет посещать учебное заведение, где способ работы хорошо известен и строго фиксирован, и приобретать процедурные компетенции, преподаваемые в этом заведении.

Если все, что мы делаем для молодых исследователей общества, будет сведено к этому, то у нас будут умелые технические специалисты, но вряд ли появятся великие социальные ученые и вряд ли будет много книг, которые были бы столь же просвещающими и влиятельными, как книги Самнера, Веблена и де Токвиля.

Стоило бы уделять некоторое внимание и гуманистическому аспекту социальной науки. Частью подготовки хороших социальных ученых является гуманитарное образование. Поскольку образование, называемое общим или свободным, – это по большей части образование гуманитарное, то отсюда следует, что социальный ученый заинтересован в свободном образовании в двух смыслах. Как и физика, как и вообще любому человеку, свободное образование нужно социальному ученому в его роли гражданина. Но, кроме того, свободное образование нужно ему в его роли социального ученого.

Искусство социальной науки невозможно просто привить извне, но, как и прочие искусства, его можно стимулировать. Развитию этого искусства может содействовать гуманитарное образование. Если социальный ученый хочет глубоко, широко и правильно постичь личности, общества и культуры, ему необходим прямой или косвенный опыт соприкосновения с личностями, обществами и культурами. Этот опыт частично приходит через ознакомление с историей, литературой, биографией и этнографией. А если философия дает опыт в искусстве формулирования и осмысления широких обобщений, то социальному ученому необходимо знакомство и с философией. Нет больше нужды бояться фи-

лософии. Время, когда социальная наука боролась за то, чтобы сделаться чем-то отличным от философии, прошло. Теперь социальная наука уже нечто отличное. Теперь социальным ученым нужно учиться у философии – не для того, чтобы стать философами, а для того, чтобы стать лучшими социальными учеными. Знакомство с литературой, биографией, этнографией и философией, приобретаемое в ходе общего образования, которое дают в средних школах и колледжах, вероятно, недостаточно богато и глубоко для некоторых из тех, кто желает стать социальным ученым. Возможности более продвинутого образования для людей, которые как исследователи человека в обществе выглядят особенно одаренными, могли бы состоять в изучении китайской или остиндской культуры, романа в западной литературе или истории демократии.

Гуманистический аспект социальной науки – тот ее аспект, который сегодня недооценивается. Социальная наука по сути своей научна, ведь ее положения описывают в общих терминах естественные явления, и она снова и снова возвращается к особому опыту для верификации и модификации этих обобщений. Она рассказывает о том, что есть, а не о том, что должно быть. Она изучает природу. Она стремится к объективности, точности, связности. Она пользуется гипотезами и формальными доказательствами; она ценит негативные случаи, а когда обнаруживает, что гипотеза не подтверждается фактами, то отбрасывает ее в пользу какой-нибудь другой, которая ими подтверждается. Все эти стороны социальной науки столь хорошо известны, что будет занудством вновь их перечислять. Что менее известно, но не менее истинно, так это то, что создание гипотезы, получение вывода, а часто и получение первых реальных данных касательно того, каковы мотивы А или каково значение этого странного института или того слишком знакомого института, требует со стороны изучающего людей и общества, а не скопления протеинов, подлинно гуманистической и свободной творческой проницательности, т.е. постижения людей, проникновения в их конвенции, интересы и мотивы; но для этого от социального ученого требуются таланты и образованность, отличные от тех, которые требуются от физика, и очень схожие с теми, которые требуются от склонного к творчеству художника.

Если это понять, то можно также увидеть, что функция социальной науки в нашем обществе двойственна. Обычно социальную науку объясняют и оправдывают тем, что она вносит вклад в решение конкретных проблем, возникающих при управлении нашим обществом, служит подмогой в том, чтобы какие-то конкретные вещи были сделаны. Как социальные ученые мы находим удовлетворение в том, что сегодня, по сравнению с 30 годами ранее, социальные ученые востребованы, поскольку их работодатели считают, что их социальная наука применима к каким-то практическим нуждам. Может применяться какое-то знание техник, разработанных в социальной науке: для отбора таксистов, не predisposed к авариям; для профориентации; для выяснения того, почему у одного делового предприятия есть проблемы с рабочей силой, а у другого, похожего, – нет; для повышения эффективности какой-нибудь правительственной программы, реализуемой в фермерских сообществах; для оказания помощи Военному управлению по перемещению в решении трудной задачи переселения японо-американцев.

На все эти вклады в эффективность и приспособленность социальные ученые могут по праву претендовать. Что менее заметно и гораздо реже подчеркивается, так это то, что социальная наука вносит вклад в то общее понимание окружающего нас мира, которое, как мы говорим, «освобождает» и «обогащает». Связь социальной науки с гуманистическим просвещением взаимна. Социальные ученые нуждаются в гуманистическом просвещении, чтобы быть лучше в качестве социальных ученых. А понимание общества, личности и человеческой природы, которое достигается научными методами, обогащает в ответ это гуманистическое понимание, без которого никто не может стать человеческим и с которым отдельные немногие могут стать мудрыми. Поскольку предмет социальной науки – человечность, то вклад ее в общее, свободное образование больше, чем вклад тех наук, чьим предметом является физический мир. В этом отношении творчески ориентированный художник и социальный ученый оказываются плечом к плечу. Художник может обнаруживать что-то в универсальной человеческой или социальной природе. То же самое может делать и социальный ученый. Никто никогда не примерял как ключ к замку «Народные обычаи» Самнера, «Религию и рост капитализ-

ма» Тони или «Многообразие религиозного опыта» Джеймса. Это не те труды по социальной науке, к которым можно напрямую обратиться за советом и которые можно напрямую применить, когда правительственная служба или деловое предприятие сталкиваются с какой-то непосредственной проблемой. Но это книги с долгосрочным влиянием. Помимо того влияния, которое они оказывают на социальных ученых, приходящих на госслужбу или в деловое предприятие, в той степени, в какой их читают, понимают и размышляют над ними мужчины и женщины, не являющиеся социальными учеными, или даже поскольку они косвенно сообщаются теми, кто прочитал их, другим людям, они – часть гуманистического образования в широком смысле слова. Выбираясь из нашего заточения в частном, видя, что мы всего лишь примеры общего, мы становимся свободнее. Сколь многим молодым людям книга Самнера, книга Веблена или какая-то из работ Фрейда явились как внезапное расширение границ восприятия и поля зрения, как подлинное освобождение, как осознание – случившееся, возможно, впервые в жизни – своей причастности к переживаниям и природе множества других мужчин и женщин! А потому я говорю, что в социальной науке, как она практикуется, есть нечто от искусства и что, поскольку лучшие ее произведения разносятся в общении, ей присущи в какой-то мере личные и социальные ценности всех искусств.

Пер. с англ. *В.Г. Николаева**

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru